

СЛОВО

въ пятокъ третьей недѣли великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ ¹⁾).

О самоиспытаніи.

„И шедъ (Иуда) глагола архіереомъ и воеводамъ, како Его предасть имъ... и ищите удобна времени, да предасть Его имъ“... (Лук. XXII; 4, 6).

Великія, полная глубокаго смысла, Голгооскія страданія Господа нашего Иисуса Христа, воспоминаемыя въ сегодняшнемъ торжественно-трогательномъ богослуженіи, проходя предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ, невольно переносятъ насъ и въ ту священную историческую обстановку и то время, когда Сынъ Божій—невинный Страдалецъ—шелъ на крестную смерть за грѣховный человѣческій родъ. По мѣрѣ повѣствованія евангелиста мы, забывая о дѣйствительности и переносясь въ священную страну, дѣлаемъ себя свидѣтелями таинственной вечери, внимаемъ словамъ возлюбленнаго Господа, являемся зрителями великаго „боренія“ и молитвы до кроваваго пота въ саду Геосиманскомъ, слышимъ повергающій насъ въ трепеть звукъ предательскаго поцѣлуя Иуды, присутствуемъ во дворѣ первосвященника при допросахъ Праведника и, наконецъ, идемъ на Голгооу и являемся со-вершателями тяжелаго крестнаго акта, превосходящаго вся-

¹⁾ Пронесено въ церкви Кієво-Братскаго монастыря 14 марта 1908 г.

нiя изображенiя и описанiя. Сердце наше наполняется глубокимъ негодованiемъ къ врагамъ Христа Спасителя и искреннимъ влеченiемъ къ Нашему Божественному Учителю: намъ хочется остановить сребролюбивую руку Иуды, протягивающуюся за сребренниками, чтобы предать Господа, мы внутренне становимся на сторону ученика, урѣзавшаго ухо воину, когда онъ хотѣлъ взять Господа, мы готовы заглушить крики: „распи“ возбужденной толпы воплемъ: „Онъ чистъ и невиненъ“ и обратиться съ словомъ прещенiя и вразумленiя къ хулителямъ Невиннаго Страдалца.

Мы даже готовы сѣтовать и на учениковъ Господа, спящихъ въ тотъ великiй моментъ, когда казалось и самъ геосиманскiй садъ въ кѣломъ изумленiи прикивалъ къ напряженной молитвѣ Богочеловѣка; мы готовы обратиться съ укоромъ къ ап. Петру, этому камню вѣры, отрекшемуся отъ своего Божественнаго Учителя при одномъ вопросѣ досужей служанки. Изъ любви къ Господу мы хотѣли бы, чтобы страшная чаша страданiй миновала Его. Но Божественный Страдалецъ въ молитвѣ къ Богу Отцу подчиняетъ Себя божественной волѣ: „Не моя воля, но твоя да будетъ“ (Лук. XXII; 42), и мы присоединяемся къ тому множеству людей и iерусалимскихъ женщинъ, „которыя плакали и рыдали о Немъ“ (Лук. XXIII; 27), и, восходя на Голгофу, искренно восклицаемъ вмѣстѣ съ ап. Петромъ: „Господи! съ Тобою я готовъ въ темницу и на смерть идти“ (Лук. XXII; 33). „Я душу мою положу за Тебя“ (Иоан. XIII; 37).

Поистинѣ священны эти мысли и чувства, возвышающiя насъ до настроенiя и готовности положить душу свою за Нашего возлюбленнаго Господа. Искренность этихъ чувствъ, какъ наше чистое святое святыхъ, едва-ли кто рѣшился подавривать и оспаривать. Но, если мы отъ настроенiя и чувства перенесемъ къ дѣлу и жизни, то внимательное проникновенiе въ наше внутреннее „я“, быть можетъ, горько разочаруетъ насъ, охваченныхъ духовнымъ восторгомъ и

готовностью слѣдовать Христу. Не окажется ли наше чувство лишь сѣменемъ, пустившимъ слабый отростокъ и неукоренившимся глубоко въ нашей душѣ? И что пользы въ томъ если это сѣмя можетъ изсушить легкое вѣяніе вѣтерка, если оно не настолько укоренилось въ почвѣ, что его можетъ похитить пролетающая птица, или замять проходящій при дорогѣ путникъ?

Если мы вообще, по слову Апостола, должны быть всегда внимательны къ себѣ, то еще болѣе должны быть внимательны въ эти дни великаго по смыслу поста и не должны страпиться внутренняго самоиспытанія. Огладимъ же себѣ отчетъ въ томъ, дѣйствительно ли мы такъ любимъ Господа, что готовы идти за Нимъ на смерть и въ темницу, дѣйствительно ли мы Его истинные ученики и друзья, или мы „ни холодны — ни теплы“ и находимся въ лагерѣ Его враговъ и предателя Иуды? Вы страшигесь этой послѣдней мысли, вы готовы сказать: „жестоко слово сіе“? Но не страшигесь ея въ примѣненіи къ себѣ, какъ не устрашились ея и божественные апостолы, глубоко знавшіе природу человѣка, и, на рѣчь Господа о предательствѣ, съ печалью въ сердцѣ открыто спрашивавшіе Его одинъ за другимъ: „не я ли? — не я ли?“ (Мр. XIV; 19). Не говорите, что Христосъ уже преданъ былъ и теперь прославленъ. Онъ, согласно Его обѣщанію, съ нами всегда—до окончанія вѣка; Онъ невидимо присутствуетъ тамъ, гдѣ два или три собраны во имя Его, Онъ даетъ всего Себя въ свѣдѣ вѣрующимъ въ Евхаристіи. Онъ приходитъ къ намъ въ рубищѣ нищаго, въ одеждѣ жаждущаго странника, Онъ—и у постели больного, и въ узахъ заключеннаго въ темницу! Поставимъ же себя лицомъ къ лицу предъ судомъ нашей совѣсти и взойдемъ на Голгову къ подножію Божественнаго Страдальца и испытаемъ себя, кто мы—друзья или враги, вѣрные ученики или предатели?

Посмотримъ на свое „я“ въ его формахъ внутренней—религіозно-личной, семейной и общественной жизни, такъ

какъ эти формы обнимають собою всю сумму сложныхъ, разнообразныхъ человѣческихъ отношеній, и каждый изъ насъ, такъ или иначе соприкасается съ ними.

Оцѣнить себя нетрудно: мы друзья Господа, если соблюдаемъ Его заповѣди (Иоан. XV; 14); мы враги Его, если пренебрегаемъ Его повелѣнїями; мы на сторонѣ Господа, если живемъ и дѣйствуемъ такъ, какъ бы уже не сами, а воображенный въ насъ Христосъ; мы измѣнники и предатели Его, если ищемъ „своихъ си“, служимъ не Христу, а мамонѣ.

Пусть каждый изъ насъ углубится въ тайники своего сердца и перенесется къ тому далеко-далеко отстоящему отъ насъ моменту, когда мы, рожденные во грѣхѣхъ, въ водахъ крещенїя—обручились Христу и дали обѣтъ идти за Нимъ всю свою жизнь. Спросимъ теперь, дѣйствительно ли мы сохранили обѣтъ крещенїя, умерли для грѣха (Рим. VI; 2) и ходимъ въ обновленной жизни, въ символическое означеніе которой облачались при крещенїи въ свѣтлую ризу? Дѣйствительно ли мы со Христомъ составляемъ то единое общенїе, о которомъ Онъ молился уходя къ Отцу, и находимся съ Нимъ въ живой органической связи, подобно членамъ въ живомъ тѣлѣ или вѣтвямъ лозы, питающимся соками ствола, безъ которыхъ онѣ засыхаютъ? Чувствуемъ ли мы внутреннюю необходимость осуществлять это общенїе чрезъ дѣйствительное соединенїе со Христомъ въ Евхаристїи, когда въ Немъ пребываемъ и Онъ въ насъ? Благо тому, кто отвѣтитъ на эти вопросы утвердительно, потому что онъ живой членъ Церкви, онъ, по Ачостолу, соединенъ со Христомъ „подобїемъ воскресенїя“, онъ „живетъ“ съ Нимъ (Рим. VI, 5, 8), онъ истинный ученикъ Христа. Но если мы, обручившись Христу, забыли свой обѣтъ, забыли, что очистились, омылись, освятились и попрежнему служимъ грѣху, такъ что уже совлеклись свѣтлой ризы и ходимъ „въ запятанныхъ одеждахъ“ (Зах. II; 3), то, нарушая данный обѣтъ, мы измѣняемъ своему Божественному Учителю, ибо не измѣна ли обручиться Хри-

сту и нарушить завѣтъ обрученія? Если мотивомъ стремленія нашего „я“ мы поставляемъ не развитіе духовно-идеальной личности по образу, данному Христомъ и Его ученіемъ, а возвращеніе эгоистическихъ желаній, соответственно чему и цѣль нашей жизни переносится въ границы грѣховнаго „я“, тѣннаго и преходящаго міра, то что дѣлаемъ мы, какъ не предаемъ Христа? Вѣдь Христосъ призвалъ насъ къ единенію съ Собою; Онъ стоитъ предъ дверьми нашего сердца и хочетъ войти въ Него, мы—Его послѣдователи—не допускаемъ Его къ себѣ, а, утвердивъ свое сокровище на землѣ, перенесли сюда свои сердца. Мы оставили своего Господа и пошли на страну далече—служить мамонѣ. Итакъ, если мы называемся только лишь по имени „христіанами“, а въ своей внутренно-личной жизни далеки отъ Христа, то мы не истинные, а мнимые ученики Его и только на словахъ говоримъ: „Господи, готовъ идти съ тобой на смерть“, а на дѣлѣ ищемъ только случая, „чтобы предать Его“ (Лук. XXII; 6) и дѣлаемся участниками преступленія Иуды.

Если Христосъ не воображается въ нашей личной—интимно-внутренней жизни, то, быть можетъ, мы слѣдуемъ за Нимъ въ своей семейной и общественной жизни? Но худое дерево не можетъ принести добрыхъ плодовъ. Мы и сюда привносимъ своекорыстный эгоизмъ и часто отступаемъ отъ Господа и предаемъ Его на пропятіе. Семейный союзъ возведенъ Христомъ Спасителемъ на степень союза Христа съ Церковью. Стремимся ли мы къ тому, чтобы наши собственныя семьи были истинными отображеніями истинной Церкви, въ ея гармоническомъ единеніи членовъ, связанныхъ началами согласія, вѣры и любви? Работаютъ ли мужъ и жена надъ ограниченіемъ своего „я“, чтобы, при сохраненіи дарованныхъ каждому изъ нихъ силъ, составить дѣйствительно единую цѣлостную малую церковь? Стремимся ли мы къ тому, чтобы въ вырастающихъ на нашихъ глазахъ дѣтяхъ своихъ—этихъ наследникахъ царствія Божія—начертать и

поплотить тѣ заветы Христа, которые выполнили бы въ жизни, какъ бы взаменъ насъ, они? Есть ли среди насъ отцы и матери—христіанки, подобныя славнымъ мужамъ и женамъ, воспитавшимъ людей великаго христіанскаго духа, которые пріяли смерть за Христа, не отреклись отъ Него, а теперь являются вѣщеносными свидѣтелями вѣры, обличающими наше малодушіе?

Искренность требуетъ сказать, что и въ этомъ священномъ семейномъ союзѣ мы не даемъ мѣста заветамъ Христа, а слѣдуемъ требованіямъ своего грѣховнаго „я“. Не ясно ли, что мы предаемъ Своего Божественнаго Учителя, только за другіе сребренники!

Обратимъ свои взоры и на наше участіе въ общественной жизни. Можетъ ли всякій изъ насъ искренно сказать, что здѣсь онъ служитъ Христу? Если бы это было такъ, то мы наблюдали бы, что наша жизнь складывалась бы по евангельскимъ началамъ царства Божія и все больше и больше восходила бы къ этому идеалу. Но дѣйствительность, хорошо извѣстная всѣмъ, и наблюденіе надъ нею не подтверждаютъ проведенія въ эту сферу жизни евангельскихъ заветовъ Голгооскаго Страдалца. Можетъ ли каждый—высшій и низшій, начальникъ и подчиненный, ученикъ и учитель—признаться въ святомъ исполненіи своего общественнаго и гражданскаго долга на началахъ уваженія къ ближнему, по заповѣди Спасителя: „первый изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга“, и христіанской готовности положить душу свою за други своя? Можемъ ли мы сказать, что въ этой области жизни воображается у насъ Христосъ, которому мы слѣдовали въ величайшемъ смиреніи, любви и безбоязненномъ свидѣтельствѣ истины? Если нѣтъ, если и здѣсь у насъ распри и раздоры, если и здѣсь у насъ не цѣнится ближній, какъ самодовлѣющая величина, имѣющая дарованное ей Богомъ назначеніе, то мы и здѣсь ищемъ повода и случая, чтобы предать Своего Искупителя, и каждый изъ насъ, не-

исполняющій своего долга по евангелію въ своемъ служеніи, дѣлается участникомъ этого преданія.

Съ увѣренностью можно сказать, что на языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ для запечатлѣнія всѣхъ изгибовъ нашей души и нашихъ поступковъ, въ которыхъ бы мы только не отрекались отъ Голгоэскаго страдальца. А если бы и были запечатлѣны всѣ эти случаи у каждаго изъ насъ соответственными имъ именами, то наша память была бы обременена ими и едва-ли была бы способна удержать ихъ. Жизнь можетъ быть только во Христѣ и внѣ Христа. Нельзя служить вмѣстѣ Богу и мамонѣ.

Не будемъ оправдывать себя. Предъ Голгоэой нѣтъ мѣста самооправданію. „Нынѣ судъ міру“ (Іоан. 12, 31). „Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія нещевати вины о грѣсѣхъ“. Отвѣтимъ сами безбоязненно и открыто на вопросъ—друзья мы или враги Божественнаго Страдальца, преданные ли мы ученики или лукавые навітники, ищущіе случая и пользующіеся имъ, чтобы вторично предавать и распинать Сына Божія. Да! мы участники его предаванія и распинанія. Еслибы Христосъ наглядно снизошелъ къ намъ, Онъ могъ бы сказать намъ: „Не вѣмъ васъ“. Онъ не узналъ бы въ каждомъ изъ насъ въ сферѣ нашей личной, семейной и общественной жизни своего вѣрнаго ученика и друга. „Гдѣ же“, могъ бы сказать Онъ: „ваше чистое сердце, которое Я цѣню выше всего, гдѣ же въ васъ и у васъ новый духъ, какъ воплощеніе Моего ученія, гдѣ же все, все то, за что Я страдалъ, пролилъ Свою кровь и умеръ на крестѣ? Вы поставили правило на правило, заповѣдь на заповѣдь, законъ на законъ, а сами живете внѣ духа евангельскаго закона и оставили вящее въ немъ—судъ, милость и правду. Вы носите имя, связанное съ Моимъ именемъ,—„христіане“, а чужды Моего духа и ищете повода снова предать и снова распять Меня!“

Итакъ, принимая въ себя и поставляя себя на судъ предъ страшной Голгоовой, мы не можемъ не сознаться, что благое настроеніе, навѣянное на насъ священнымъ богослуженіемъ—только наше настроеніе, а не живое христіанское дѣло. Мы только на словахъ готовы сказать: „Господи! съ Тобой и въ темницу и на смерть готовъ идти“, а на дѣлѣ протягиваемъ предательскую руку и даемъ Іудино цѣлованіе.

Что же намъ дѣлать? Къ кому же теперь идти? Къ кому? Скажемъ словами апостола: „Господи, къ кому намъ идти?—Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни. И мы увѣрovali и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго (Іоан. VI; 69). Нѣтъ иного имени, въ которомъ мы могли бы найти спасеніе. Ты путь, истина и жизнь!“! Пойдемъ опять къ Божественному своему Учителю. Принесемъ Ему истинное раскаяніе во грѣхахъ своихъ; вѣдь Онъ и пришелъ въ міръ, чтобы спасти грѣшника и призвать его къ покаянію. Будемъ и молиться, чтобы Онъ далъ свою благодать достойно выполнять заповѣди Его и воплотить въ жизни носимое нами священное имя христіанина. Будемъ и сами стараться дѣятельно стремиться къ усовершенію своей личности и тѣмъ прославлять имя Божіе и созидать устройство царства Божія на землѣ. Дадимъ обѣтъ исправиться! И положимся тогда на милосердіе Божіе. „Нѣсть человекъ, иже не поживетъ и не согрѣшитъ“. „Не оправдится предъ Тобою всякъ живій“. А Богъ по своей обильной благодати и любви войдетъ въ наше сердце и откроетъ двери Своего царства всѣмъ, вышедшимъ на дѣланіе—рано-ли они вышли или поздно: Онъ, подобно виноградарю, вознаграждаетъ одинаково всѣхъ работниковъ виноградника, работавшихъ неодинаковое время, призываетъ къ себѣ вышедшихъ на дѣланіе и въ третій часъ, и въ шестой, и въ девятый. А теперь, вмѣсто чистыхъ плащаницъ Іосифа Аримаѳейскаго, принесемъ ему свои чистыя чувства и сердечныя намѣренія. Онъ, вѣдущій, „яже въ человекѣхъ“, и дѣла прі-

емлетъ и намѣренія цѣлуется. Только пусть отыниѣ эти намѣренія перейдутъ въ вѣру дѣятельную и живую, чтобы никто и ничто не могло отлучить насъ отъ любви Божіей: ни скорбь, ни тѣснота, ни гоненіе, ни голодъ, ни нагота, ни опасность, ни мечъ (Рим. VI; 35). Сподоби же насъ, Господи, срѣтить Твое свѣтлое воскресеніе правдивенно обновленными и выступившими на борьбу съ ветхимъ человекомъ. Пусть твердо выйдемъ мы на встрѣчу Тебѣ, незаходимое наше Солнце Правды, Высочайшая Истина, Непреложный Путь и Вѣчная Жизнь, и будемъ вѣрными Твоими учениками, а не соучастниками въ Іудиномъ лобзаніи и вторичномъ пропятіи.

В. Поповъ.